

ВѢСТНИКЪ ГЕОСОФІИ

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ.

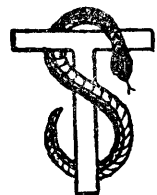
Satyât Nasti Paro Dharmah
(Нѣтъ религіи выше истины).

7 декабря.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1910

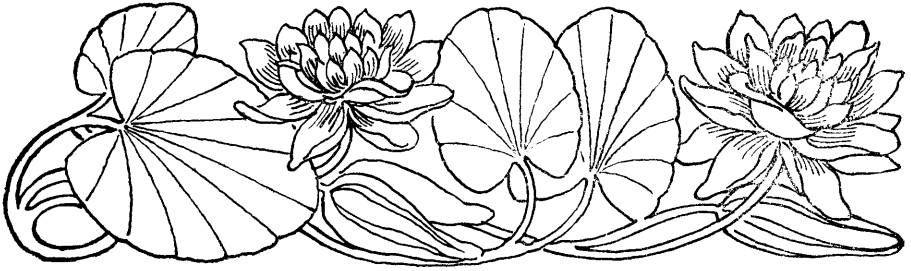
№ 12.

СОДЕРЖАНІЕ

декабрьской книжки „Вѣстника Теософіи“.

	СТРАН.
1. Памяти Льва Николаевича Толстого (съ портретомъ), Альба	1
2. Наука о жизни (о Л. Н. Толстомъ), Е. П. Блаватская пер. съ англійскаго Д. Странденъ	6
3. Письмо Л. Н. Толстого священнику С.	17
4. Дѣйствительное средство, Л. Н. Толстой	19
5. О сознаніи духовнаго начала, Л. Н. Толстой	21
6. Мистики, д-ра Р. Штейнеръ, пер. съ нѣмецкаго Е. П. (продолженіе)	24
7. Древняя Мудрость на протяженіи вѣковъ, д-ра Т. Паскаль, пер. съ французскаго А. Г. (окончаніе)	33
8. Мистицизмъ, А. Безантъ, перев. съ англійскаго А. В.	39
9. Бхагавадъ-Гита, пер. И. М. и Альба (продолженіе)	45
10. Тріады бардовъ, перев. съ французскаго (съ предисловіемъ и примѣчаніями) Е. Кузьмина	54
11. Летучій Голландецъ, Биргеръ Этвингъ, перев. съ нѣмецкаго Н. Боянсъ	64
12. Обзорѣніе теософической литературы, Альба	68
13. Хроника теософическаго движенія	75
14. Хроника жизни, Н. Т.	77
15. Изъ газетъ и журналовъ, Н. Т.	84
16. Письма къ читателямъ, Другъ читателя	89

Наука о жизни *).

Е. П. Блаватская о Л. Н. Толстомъ.

Что такое жизнь? Сотни философскихъ умовъ, множество ученыхъ и искусныхъ врачей задавали себѣ этотъ вопросъ, но всѣ попытки отвѣтить на него оставались болѣе или менѣе безрезультатными. Завѣса, скрывающая отъ нашихъ глазъ первоначальное состояніе вселенной и таинственное возникновеніе въ ней жизни, никогда не была поднята настолько, чтобы это могло удовлетворить серьезныхъ и честныхъ людей науки. Чѣмъ болѣе официальные представители науки пытаются проникнуть своими взорами за темныя складки этой завѣсы, тѣмъ болѣе сгущается вокругъ нихъ мракъ, и тѣмъ менѣе они видятъ, ибо они подобны тому искателю кладовъ, который отправился разыскивать за дальними морями сокровище, зарытое въ его собственномъ саду.

Что же это за наука о жизни, о которой здѣсь идетъ рѣчь? Есть ли это биологія или изученіе жизни въ наиболѣе общемъ смыслѣ этого слова? Нѣтъ. Или это физиологія, наука объ органическихъ функціяхъ? Опять-таки нѣтъ, потому что для первой изъ поименованныхъ наукъ проблема жизни такъ-таки и остается вопросомъ Сфинкса, вторую же можно скорѣе назвать наукой о смерти, чѣмъ наукой о жизни. Физиологія зиждется на изученіи различныхъ органическихъ функцій и органовъ, необходимыхъ для тѣхъ или иныхъ жизненныхъ проявленій, но то, что наука эта называетъ живымъ веществомъ, въ сущности говоря, есть

*) Статья эта была помѣщена въ № 3 за 1887 г. теософическаго журнала «Lucifer», издававшася въ Лондонѣ Е. П. Блаватской и г-жей Мэбель Коллинзъ.

вещество мертвое. Каждая молекула живого органа содержитъ въ себѣ зародышъ смерти и съ самаго момента своего зарожденія уже начинаетъ умирать, чтобы уступить мѣсто другой, замѣщающей ее молекулѣ, которая также живетъ лишь для того, чтобы въ свою очередь умереть. Органъ, т. е. болѣе или менѣе крупное естественное подраздѣленіе какого-нибудь живого существа, является лишь посредникомъ для проявленія какой-либо особой жизненной функціи и представляетъ собой въ концѣ концовъ лишь сложное сочетаніе молекулъ. Жизненный органъ, *какъ цѣлое*, надѣваетъ маску жизни, скрывая за ней постоянное распаденіе и умираніе своихъ составныхъ частей. Итакъ, ни біологію, ни фізіологію нельзя назвать *наукой о жизни* или хотя бы ея отраслями, а лишь науками, изслѣдующими *видимость* жизни. Въ то время какъ истинная философія стоитъ, подобно Эдипу, передъ Сфинксомъ жизни, едва осмѣливаясь произнести парадоксъ, содержащійся въ отвѣтѣ, разрѣшающемъ загадку, задаваемую этимъ Сфинксомъ, представители матеріалистической науки, всегда заносчивой, ни на минуту не сомнѣвающейся въ собственной мудрости, внушаютъ себѣ и своимъ послѣдователямъ вѣру въ то, что наука эта разрѣшила страшную загадку бытія. Но, на самомъ дѣлѣ, развѣ матеріалистическая наука хотя бы подошла къ порогу этого рѣшенія? Во всякомъ случаѣ представители этой науки не тѣмъ приблизятся къ истинному рѣшенію, что будутъ обманывать самихъ себя и другихъ довѣрчивыхъ людей, утверждая, что жизнь есть лишь результатъ усложненія молекулярнаго строенія вещества. Неужели жизненная сила дѣйствительно лишь „фантомъ“, какъ ее называлъ Дюбуа Реймонъ? Вѣдь упрекъ, съ которымъ онъ обращается къ виталистамъ, что „жизнь“, разсматриваемая, какъ нѣчто самостоятельное, есть лишь *asylum ignotantiae* *) для тѣхъ, кто ищетъ убѣжища въ абстракціяхъ, когда невозможно объясненіе по существу—упрекъ этотъ въ еще гораздо большей степени и гораздо болѣе справедливо можетъ быть сдѣланъ тѣмъ матеріалистамъ, которые, желая пустить людямъ пыль въ глаза, подставляютъ напыщенные, мудреные термины на мѣсто реальныхъ фактовъ. Развѣ пять подраздѣленій жизненныхъ функцій, носящія громкія названія Archebiosis, Biocrasis, Biodiaeresis, Biocaenosis и Bioparadosis **) сколько-нибудь помогли Гексли или Геккелю про-

*) „Убѣжище невѣжества“. Д. С.

**) Т. е. возникновеніе жизни, сліяніе жизни, раздѣленіе жизни, возобновленіе жизни и передача жизни.

никнуть глубже въ тайну зарожденія хотя бы самой ничтожной козявки, не говоря уже о человѣкѣ? Разумѣтся нѣтъ, потому что жизнь и все, что къ ней относится, по праву принадлежитъ къ кругу вѣдѣнія *метафизика* и психолога, физическая же наука некомпетентна рѣшать ея проблему. „То, что было, есть то, что будетъ; и то, что было, уже получило имя, и извѣстно, что это—*человѣкъ*“—таковъ отвѣтъ, разрѣшающій загадку, предлагаемую Сфинксомъ. Но подъ „человѣкомъ здѣсь разумѣтся не *физическій* человѣкъ; не таковъ во всякомъ случаѣ эсotericескій смыслъ этого слова. Скальпель и микроскопъ, быть можетъ, помогутъ выяснитъ тайну матеріальныхъ составныхъ частей *внѣшней оболочки* *человѣка*; но никогда имъ не удастся продѣлать окошко, сквозь которое душѣ *человѣка* можно было бы узрѣть какіе-нибудь болѣе обширные горизонты бытія.

Лишь тѣ мыслители, которые, слѣдую указанію Дельфійскаго оракула, познали жизнь черезъ познаніе своего *внутренняго* „я“, основательно изучивъ ее внутри себя прежде, чѣмъ пытаются прослѣдить и анализировать ея отраженіе въ своей внѣшней, тѣлесной оболочкѣ,—лишь они были вознаграждены за свои усилія нѣкоторой долей успѣха. Подобно средневѣковымъ „огнефилософамъ“ *), они переступили черезъ *видимость* свѣта и огня, черезъ отраженіе ихъ въ мірѣ послѣдствій (т. е. въ мірѣ матеріальномъ. Д. С.) и сосредоточили все свое вниманіе на сокровенныхъ силахъ, производящихъ эти послѣдствія. Затѣмъ, прослѣдивши эти силы до ихъ источника, коренящагося въ единой абстрактной причинѣ, каждый изъ нихъ, по мѣрѣ своихъ мыслительныхъ способностей, пытался проникнуть въ глубь послѣдней *Тайны*. Такимъ путемъ они установили слѣдующія положенія: 1) что живой, *повидимому*, механизмъ, называемый физическимъ тѣломъ *человѣка*, есть какъ бы лишь топливо или матеріаль, необходимый для питанія жизни, для того, чтобы она могла проявиться; 2) что, цѣной соединенія съ этимъ тѣлеснымъ организмомъ, внутренній *человѣкъ* пріобрѣтаетъ возможность накопить новый опытъ, предоставляемый земными иллюзорными существованіями, называемыми „жизнями“.

Одного изъ такихъ философовъ въ наше время мы, несомнѣнно, имѣемъ въ лицѣ великаго русскаго писателя графа Льва Николаевича Толстого. Насколько близки его взгляды къ эсоте-

*) „Fire-philosophers“. Такъ называли себя алхимики и розенкрейцы, полагавшіе въ основѣ міра оккультный, духовный „огонь“. Примѣч. перев.

рическимъ и философскимъ ученіямъ высшей Теософіи, будетъ видно всякому, кто ознакомится съ нижеслѣдующими отрывками изъ реферата, прочтеннаго имъ въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ *).

Обсуждая проблему жизни, Л. Н. Толстой проситъ своихъ слушателей условно, въ цѣляхъ выясненія вопроса, предположить *ничто невозможное*.

Онъ говоритъ:

„Допустимъ невозможное; допустимъ что все, что желаетъ познать теперешняя наука о жизни, все ясно, какъ день! Ясно, какъ изъ неорганической матеріи зарождается черезъ приспособленіе органическая; ясно, какъ силы переходятъ въ чувство, волю мысли; и все это извѣстно не только гимназистамъ, но и деревенскимъ школьникамъ. Мнѣ извѣстно, что такія-то мысли и чувства происходятъ отъ такихъ-то движеній. Ну и что-же? Могу-ли я или не могу руководить этими движеніями, чтобы возбуждать въ себѣ такія или другія мысли; вопросъ о томъ, какія мнѣ надо возбуждать въ себѣ и другихъ мысли и чувства, остается не только нерѣшеннымъ но даже незатронутымъ. Вопросъ же этотъ и есть единственный вопросъ центрального понятія жизни. Наука предметомъ своимъ избрала нѣкоторыя явленія сопутствующія жизни, и, принявъ **) часть за цѣлое, назвала эти явленія совокупностью жизни... Вопросъ, неотдѣлимый отъ понятія жизни — не вопросъ о томъ, *откуда взялась жизнь*, а о томъ, *какъ надо жить*; и только начавъ съ этого вопроса, можно притти и къ какому-нибудь рѣшенію вопроса о томъ, что есть жизнь.

Отвѣтъ на вопросъ о томъ, какъ надо жить, предоставляется человѣку столь извѣстнымъ, что ему кажется, что и не стоитъ говорить объ этомъ... Жить, какъ лучше, вотъ и все. Это кажется сначала очень простымъ и всѣмъ извѣстнымъ, но это совсѣмъ не такъ и просто и извѣстно... Понятіе жизни представляется сначала человѣку самымъ простымъ и яснымъ. Прежде всего человѣку кажется, что жизнь въ немъ, въ его тѣлѣ. Я живу въ тѣлѣ,

*) Извлеченія изъ этого реферата, цитируемая Е. П. Блаватской, были помѣщены въ № 3973 (23 марта) газеты „Новое Время“ за 1887 г.

**) „Принявъ“ — въ данномъ случаѣ ошибочное выраженіе. Люди науки отлично знаютъ, что то, чему они учатъ о жизни, есть не что иное, какъ матеріалистическая фикція, которой на каждомъ шагѣ противорѣчатъ и логика и факты. Въ этомъ случаѣ наукой злоупотребляютъ, заставляя ее служить личнымъ вкусамъ и пользуясь ею съ предвзятой цѣлью — уничтожить въ людяхъ всякіе духовные запросы, вытравить изъ ихъ умовъ всякую мысль о духѣ.—Е. П. Б.

стало быть жизнь въ моемъ тѣлѣ. Но какъ только человѣкъ начинаетъ искать эту жизнь въ извѣстномъ мѣстѣ своего тѣла, такъ сейчасъ и являются затрудненія. Ея нѣтъ въ ногтяхъ и волосахъ, но и нѣтъ въ ногѣ, въ рукѣ, которыя можно отрѣзать, нѣтъ и въ крови, нѣтъ и въ сердцѣ, нѣтъ и въ мозгу. А есть вездѣ и нигдѣ нѣтъ. И оказывается, что по мѣсту ея жительства найти ее нельзя. Тогда человѣкъ ищетъ ее во времени, и тоже сначала кажется очень просто... Но опять, какъ станешь искать ее во времени, такъ сейчасъ видишь, что и тутъ дѣло не просто. Я живу 58 лѣтъ, какъ это выходитъ по метрическому свидѣтельству. Но я знаю, что изъ этихъ 58 лѣтъ я 20 лѣтъ спалъ. Что же, я жилъ или не жилъ? Потому въ утробѣ матери, у кормилицы былъ, опять—жилъ я или не жилъ? Потому изъ остальныхъ 38 лѣтъ большую половину, ходя, спалъ; тоже не знаю, жилъ или не жилъ? Немножко жилъ, немножко не жилъ; такъ что и во времени выходитъ—вездѣ она и нигдѣ. Тогда невольно приходитъ вопросъ, откуда же взялась эта жизнь, которую я нигдѣ не найду. Тутъ ужъ я узнаю... Но оказывается, что и здѣсь то, что показалось мнѣ такъ легко,—не только трудно, но и невозможно. Оказывается, что я искалъ что-то другое, а не свою жизнь. Искать оказывается, если уже искать ее, то не въ пространствѣ, не во времени, не какъ слѣдствіе и причину, а какъ что-то такое, что я въ себѣ знаю совсѣмъ независимо отъ пространства, времени и причины.

Стало быть изучать себя? Какъ же я знаю жизнь въ себѣ? А вотъ какъ. Знаю я прежде всего, что живу и живу, желая себѣ хорошаго, желаю этого съ тѣхъ поръ какъ себя помню и до сихъ поръ, и желаю этого съ утра и до вечера. Все то, что живетъ внѣ меня, важно для меня, но только настолько, насколько оно содѣйствуетъ тому, чтобы мнѣ было хорошо. Міръ важенъ для меня только потому, что онъ мнѣ доставляетъ радости. Но вмѣстѣ съ такимъ знаніемъ моей жизни связывается съ ней еще другое. Неразрывно съ этой жизнью, которую я чувствую, связано во мнѣ еще знаніе о томъ, что кромѣ меня живетъ вокругъ меня съ такимъ же сознаніемъ своей исключительной жизни цѣлый міръ живыхъ существъ, что всѣ эти существа живутъ для своихъ, чуждыхъ для меня, цѣлей и не знаютъ и не хотятъ знать моихъ притязаній на исключительную жизнь, и что всѣ эти существа для достиженія своихъ цѣлей всякую минуту готовы уничтожить меня. Мало этого, наблюдая уничтоженіе другихъ подобныхъ мнѣ существъ, знаю еще и то,

что мнѣ, этому драгоцѣнному мнѣ, въ которомъ одномъ мнѣ представляется жизнь, предстоитъ очень скорое неизбѣжное уничтоженіе... Въ человѣкѣ, какъ будто, два „Я“, которые, какъ будто, не могутъ ужиться другъ съ другомъ, исключаютъ одинъ другого. Одно „Я“ говоритъ: „одинъ „я“ живу по настоящему, все остальное только кажется что живетъ и потому весь смыслъ міра въ томъ, чтобы мнѣ было хорошо“. Другое „Я“ говоритъ: „Весь міръ не для тебя, а для своихъ цѣлей, и знать не хочеть о томъ, хорошо ли тебѣ или дурно“.

И жить становится страшно; одно „Я“ говоритъ: „Я хочу удовлетворенія своихъ потребностей и желаній, и для этого только мнѣ нуженъ міръ“. Другое „Я“ говоритъ: „Все животное живетъ для удовлетворенія своихъ желаній и потребностей. Желанія и потребности однихъ животныхъ удовлетворяются только въ ущербъ другимъ, и потому все животное борется другъ съ другомъ. Ты животное, потому долженъ вѣчно бороться, но какъ бы успѣшно ты ни боролся, всѣ борющіяся существа рано или поздно задавятъ тебя“.

Еще хуже, и становится еще страшнѣе, и самое ужасное, включающее въ себѣ все предшествующее: одно „Я“ говоритъ: „Я хочу жить, жить вѣчно“. Другое „Я“ говоритъ: „Ты непременно очень скоро, и можетъ быть сейчасъ, умрешь, и умрутъ всѣ тѣ, которыхъ ты любишь, и ты и они каждымъ движеніемъ уничтожаютъ свою жизнь и идутъ къ страданіямъ, къ смерти, къ тому самому, что ты ненавидишь, и чего боишься больше всего“.

Это хуже всего...

Измѣнить этого состоянія нельзя... Можно не двигаться, не спать, не ѣсть, не дышать даже, но не думать нельзя. Думаешь, и мысль моя, *моя* мысль отравляетъ каждый шагъ моей жизни, какъ личности. Какъ только началъ сознательно жить человѣкъ, такъ разумное сознаніе, не переставая, твердитъ ему одно и то же: жить тою жизнью, какою ты ее чувствуешь и видишь въ твоёмъ прошедшемъ, какою живутъ животныя, какъ живетъ много людей, какъ жило то, изъ чего ты сталъ тѣмъ, что ты теперь — нельзя больше. Если ты попытаешься это сдѣлать, то вѣдь не уйдешь отъ борьбы со всѣмъ міромъ существъ, которыя живутъ такъ же, какъ и ты, для своихъ личныхъ цѣлей, и они, эти существа неизбѣжно погубятъ тебя.

Измѣнить этого положенія нельзя, и остается одно, что и дѣлаетъ всегда человѣкъ, начиная жить: переносить свои цѣли внѣ себя и стремиться къ нимъ... Но какъ бы далеко внѣ себя онъ

ни ставилъ свои цѣли, по мѣрѣ просвѣтленія его разума ни одна цѣль не удовлетворяетъ его.

Бисмаркъ, собравъ Германію и повелѣвая Европой, если разумъ освѣтилъ для него его дѣятельность, долженъ чувствовать то же неразрѣшенное противорѣчіе, тщетности и неразумности всего, достигнутаго имъ, съ вѣчностью и разумностью всего существующаго, какъ и его поварь, приготовляющій обѣдъ, который черезъ часъ будетъ съѣденъ. Какъ тотъ, такъ и другой, если подумаютъ, видятъ ясно, во-первыхъ, что, какъ цѣлость обѣда князя Бисмарка, такъ и цѣлость могущественной Германіи держится только: первая — полиціей, вторая — войскомъ, и до тѣхъ поръ, пока бодрствуютъ и тѣ и другія, потому что голодные хотятъ съѣсть обѣдъ, а другія національности хотятъ быть такъ же могущественны, какъ и Германія, и во-вторыхъ, что обѣдъ князя Бисмарка и могущество Германіи не только не совпадаютъ со смысломъ жизни міра, но противорѣчатъ ему, и, въ-третьихъ то, что и тотъ, кто готовитъ обѣдъ, и могущество Германіи—оба очень скоро умрутъ и такъ же скоро умрутъ ихъ обѣдъ и Германія, и останется жить міръ, не поминая даже ни объ обѣдѣ, ни о Германіи, тѣмъ менѣе о тѣхъ, кто готовитъ ихъ.—По мѣрѣ усиленія разумнаго состоянія, человѣкъ приходитъ къ мысли, что никакое благо, связанное съ его личностью, не есть подвигъ, а необходимость... Личность есть только первое состояніе, съ котораго начинается жизнь, есть крайній предѣлъ жизни... „Но гдѣ начинается жизнь и гдѣ она кончается?“ Спросятъ меня. Гдѣ кончается ночь и начинается день? Гдѣ на берегу кончается область моря и начинается область суши? Есть день и ночь, есть суша и море, есть жизнь и не жизнь.

Жизнь наша—съ тѣхъ поръ, какъ мы сознаемъ ее движеніе между двумя предѣлами.

Одинъ предѣлъ есть совершенное безучастіе къ жизни безконечнаго міра, дѣятельность, направленная только къ удовлетворенію потребностей своей личности. Другой предѣлъ—это полное отреченіе отъ своей личности, наибольшее вниманіе къ жизни безконечнаго міра и согласіе съ нимъ, перенесеніе желанія блага со своей личности на безконечный міръ и существа виѣ насъ *).—Чѣмъ ближе къ первому предѣлу, тѣмъ меньше жизни и блага, чѣмъ ближе ко второму предѣлу, тѣмъ больше жизни и блага. И потому всякій человѣкъ всегда движется отъ одного предѣла къ

*) Это и есть то самое, что теософы просто выражаютъ словами „жить истинной жизнью („living the life“).

другому, т. е. живетъ. *Это-то движеніе и есть сама жизнь.*— Если я говорю о жизни, то понятіе о жизни неразрывно связано во мнѣ съ понятіемъ разумной жизни. Другой жизни, кромѣ разумной, я не знаю и никто ее знать не можетъ. Мы называемъ жизнью жизнь животную, жизнь организма... Все это не жизнь, а только извѣстное открывшееся намъ состояніе жизни. Но что такое этотъ разумъ, требованія котораго исключаютъ личную жизнь и переносятъ дѣятельность человѣка внѣ себя, въ состояніе, сознаваемое нами, какъ радостное состояніе любви? Что такое разумъ? Что бы мы ни опредѣляли, мы опредѣляемъ всегда только разумомъ. И потому, чѣмъ же будемъ опредѣлять разумъ?.. Если мы все опредѣляли разумомъ, то разумъ по этому самому мы опредѣлить и не можемъ. Но мы всѣ не только знаемъ его, но только одного его несомнѣнно и знаемъ одинаково.

Это тотъ же законъ, какъ и законъ жизни всякаго организма, животнаго, растенія, съ тою только разницею, что мы *видимъ* совершающимся разумный законъ въ жизни растенія, законъ же разума, которому мы подчинены, какъ дерево своему закону, мы не видимъ, но исполняемъ.... Мы рѣшили, что жизнь есть то, что не есть наша жизнь. Въ этомъ и лежитъ корень заблужденія. вмѣсто того, чтобы изучать ту жизнь, которую мы сознаемъ въ себѣ совершенно исключительно, такъ какъ мы ничего другого не знаемъ, мы для этого наблюдаемъ то, что не имѣетъ главнаго свойства нашей жизни—разумнаго сознанія....

Мы дѣлаемъ то, что бы дѣлалъ человѣкъ, изучающій предметъ по его тѣни или отраженію....

Если мы узнаемъ, что вещественныя частицы подчиняются, видоизмѣняясь, дѣятельности организма, то мы узнаемъ это вовсе не потому, что наблюдали, изучая организмъ, а потому, что у насъ есть знакомый намъ, слитый съ нами организмъ нашего животнаго, который намъ знакомъ очень, какъ матеріалъ нашей жизни, т. е. то, надъ чѣмъ мы призваны работать, подчиняя его закону разума.... Какъ только человѣкъ усумнился въ своей жизни, какъ только онъ жизнь свою перенесъ въ то, что не есть жизнь, такъ онъ сталъ несчастенъ и увидѣлъ смерть. Человѣкъ, сознающій жизнь такъ, какъ она вложена въ его сознаніе, не знаетъ ни несчастья, ни смерти, ибо его благо жизни въ одномъ подчиненіи своего животнаго закону разума, и это не только въ его власти, но это неизбѣжно совершается въ немъ.... Смерть частицъ животнаго существа мы знаемъ, смерть самихъ животныхъ и человѣка, какъ животнаго, мы знаемъ; но смерть разум-

наго сознанія мы не знаемъ и не можемъ знать, потому что оно-то и есть сама жизнь. А жизнь не можетъ быть смертию....

Животное живетъ блаженно, не видитъ смерти и умираетъ, не видя ее. За что же человѣку дано видѣть это, и почему оно для него такъ ужасно, что раздираетъ его душу, заставляетъ его убивать себя отъ страха смерти? Отчего это? Оттого, что человѣкъ, видящій смерть, есть человѣкъ больной, нарушившій законъ своей жизни, не живущій жизнью разумной. Онъ то же, что и животное, нарушившее законъ своей жизни.

Жизнь человѣка есть стремленіе къ благу, и то, къ чему онъ стремится, то и дано ему. Свѣтъ, зажженный въ душѣ человѣка, есть благо и жизнь, и свѣтъ этотъ не можетъ быть тьмою, потому что есть, истинно есть для человѣка только этотъ единый свѣтъ, горящій въ душѣ его“.

Этотъ довольно длинный отрывокъ изъ отчета о превосходномъ рефератѣ Л. Н. Толстого приведенъ нами потому, что мысли, выраженные въ немъ, являются отголоскомъ самыхъ возвышенныхъ ученій міровой этики истинной теософіи. Его опредѣленіе жизни, въ абстрактномъ смыслѣ этого слова, равно какъ и той жизни, которую долженъ осуществлять всякій серьезный теософъ, насколько это позволяютъ ему его *природныя* способности—представляетъ собой резюме, Альфу и Омегу всего того, что необходимо знать для практической работы надъ своею душевною или даже духовною жизнью. Въ рефератѣ встрѣчаются нѣкоторыя фразы, которыя среднему теософу могутъ показаться туманными и недостаточно полно выражающими мысль. Но въ словахъ Толстого не найдется ничего, противъ чего могъ бы возразить что нибудь хотя бы самый требовательный оккультистъ-практикъ. Рефератъ этотъ можно назвать трактатомъ объ алхиміи души, потому что тотъ „единый“ свѣтъ, сіяющій въ душѣ человѣка, свѣтъ вѣчный и по самой своей природѣ никогда не могущій быть мракомъ, хотя бы внѣшняя наша животная природа и оставалась къ нему слѣпой—и есть тотъ самый „Свѣтъ“, о которомъ написали такъ много томовъ неоплатоники Александрійской школы, а впоследствии розенкрейцеры и, въ особенности, алхимики, хотя и въ наше время истинный смыслъ ихъ писаній для большинства людей все еще окутанъ непроницаемой тайной.

Правда, Л. Н. Толстой не философъ Александрійской школы и не современный теософъ; еще менѣе его можно причислить къ

розенкрейцерамъ или алхимикамъ. Но то, что эти послѣдніе скрывали подъ покровомъ своеобразной фразеологіи „огнефилософовъ“, умышленно перепутывая космическія трансмутациі съ духовной алхиміей—все это великимъ русскимъ мыслителемъ изъ области метафизики перенесено въ область практической жизни. То, что Шеллингъ опредѣлялъ, какъ осуществленіе тождества субъекта и объекта во внутреннемъ я человѣка, то что связываетъ и объединяетъ это я съ міровой душой—которая и есть не что иное, какъ тождество субъекта и объекта на высшемъ планѣ, невѣдомое Божество—все это слилъ во едино Л. Н. Толстой, не покидая притомъ земного плана. Онъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ *избранныхъ*, которые начинаютъ съ интуиціи и кончаютъ *приближеніемъ* къ всевѣднію. То, чего достигъ Толстой, есть не что иное, какъ превращеніе металловъ—т. е. *животной природы*—въ золото и серебро; иначе говоря, онъ достигъ обладанія философскимъ камнемъ, т. е. развитія и проявленія въ своей личности своего высшаго Я. Подъ тѣмъ, что обыденные алхимики называли „*алкагестомъ*“, высокіе посвященные разумѣли „*Allgeist*“, т. е. всепроницающій Духъ Божій; ибо алхимія была и есть—хотя и въ наши дни это все еще извѣстно лишь очень немногимъ—столько же философіей духа, сколько и физической наукой. Тотъ, кто незнакомъ съ ея духовной стороной, никогда не проникнетъ глубоко и въ ея химическій смыслъ. Это совершенно ясно высказалъ еще Аристотель своему ученику Александру Македонскому: „Это не камень“, сказалъ онъ, говоря о философскомъ камнѣ. „*Это есть во всякомъ человѣкѣ и находится повсюду* и во всѣ времена, и этотъ философскій камень называется *концомъ* всѣхъ философствъ“, подобно тому, какъ *Веданта* означаетъ *окончательный итогъ* всѣхъ философскихъ системъ.

Заканчивая эту замѣтку о „*Науку о жизни*“, скажу нѣсколько словъ о вѣчной загадкѣ, задаваемой Сфинксомъ всѣмъ смертнымъ. Не разгадать эту загадку—значило быть осужденнымъ на вѣрную смерть, такъ какъ Сфинксъ жизни пожиралъ тѣхъ лишенныхъ интуиціи людей, которые желали жить исключительно жизнью своего „животнаго“ я. Тотъ, кто живетъ для своего низшаго я, и притомъ исключительно для этого я, неизбежно долженъ умереть, какъ это говоритъ высшее я низшему, животному я въ рефератѣ Толстого. Ключей, позволяющихъ разгадать загадку Сфинкса, существуетъ семь, и Толстой, чтобы проникнуть въ тайну, скрытую за этой загадкой, воспользовался ключемъ, раскрывающимъ одинъ изъ наиболѣе высокихъ смысловъ ея. Ибо,

какъ это прекрасно выразилъ авторъ „Герметической Философіи“: „Истинная тайна, наиболѣе знакомая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе неизвѣстная всякому, та тайна, въ которую человекъ долженъ быть посвященъ, чтобы не погибнуть, оставшись атеистомъ, есть самъ этотъ человекъ. Ему предназначено обладаніе эликсиромъ жизни, отвѣдать котораго до открытія философскаго камня значить пить напитокъ смерти, тогда какъ адепту и *эпопту* онъ сообщаетъ истинное безсмертіе. Адептъ можетъ познать истину такой, какова она есть въ дѣйствительности — *Aletheia*, дыханіе Божества или Жизни, сознательный разумъ въ человѣкѣ“.

Это и есть „алкагестъ, растворяющій все на свѣтѣ“, и Толстой прекрасно разрѣшилъ эту загадку.

Е. П. Блаватская.

Перев. съ англійскаго Д. Странденъ.

Если человекъ и не знаетъ, что онъ дышетъ воздухомъ, онъ знаетъ, что лишается чего-то, когда задыхается. Тоже и съ человекомъ, лишившимся Бога, хотя онъ и не признаетъ Его.

Покорность Богу даетъ свободу передъ людьми.

Люди, отрицающіе свободу, подобны слѣпымъ, отрицающимъ цвѣта: они не знаютъ той области, въ которой люди свободны.

Отгоняй отъ себя все то, что мѣшаетъ тебѣ чувствовать твою связь со всѣмъ живымъ.

Не думай, чтобы могло быть благо отдѣльнаго существа или чтобы зло отдѣльнаго существа не было бы зломъ всего міра и не отразилось-бы на тебѣ.

Сознаніе единства нашего существа со всѣмъ другимъ проявляется въ насъ любовью.

Любовь есть расширеніе своей жизни. Чѣмъ больше мы любимъ тѣмъ обширнѣе, полнѣе и радостнѣе становится жизнь.

(Мысли Льва Николаевича Толстого).